DK
197
Ава.

С. Л. АВАЛІАНИ.

ЗАМѢТКИ
КЪ ИСТОРІИ ВОЙНЫ
1812 года.

(По неизданнымъ архивнымъ матеріаламъ).

Рец[illegible]
г.г. рецензе[illegible]ъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ
1914.

С. Л. АВАЛІАНИ.

ЗАМѢТКИ

КЪ ИСТОРІИ ВОИНЫ

1812 года.

(По неизданнымъ архивнымъ матеріаламъ).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ
1914.

Извлечено изъ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія за 1914 годъ.

2941
24

ЗАМѢТКИ КЪ ИСТОРІИ ВОЙНЫ 1812 Г. [1]).

(По неизданнымъ архивнымъ матеріаламъ).

Исторія войны 1812 г. обслѣдована съ достаточной полнотой. Тѣмъ не менѣе въ русскихъ и иностранныхъ архивахъ хранится очень много цѣннаго матеріала, при посредствѣ котораго можно внести въ изслѣдованіе о войнѣ 1812 г. массу существеннѣйшихъ подробностей. Нельзя также не признать важнымъ пробѣломъ въ русской исторической наукѣ отсутствія сводной систематической работы по исторіи войны 1812 г.; изслѣдованіе г. Попова только начато [2]). Публикаціи о войнѣ 1812 г. не прекращаютъ появляться, и онѣ вносятъ въ общее знаніе наше объ этомъ историческомъ моментѣ серьезныя и свѣжія данныя.

Очень важный матеріалъ, особенно для бытовой исторіи войны 1812 г., даютъ мемуары современниковъ и участниковъ войны 1812 г. Мемуарная литература также съ каждымъ днемъ растетъ и увеличивается. Бытовая исторія войны 1812 г. освѣщена менѣе обстоятельно, чѣмъ исторія политическая. Столѣтняя годовщина знаменитаго

---

[1]) Настоящая статья составлена на основаніи документовъ, извлеченныхъ изъ собранія бумагъ покойнаго проф. Новороссійскаго университета А. Е. Назимова. Разрѣшеніе на использованіе бумагъ получили мы отъ проф. И. А. Линниченко, которому и приносимъ глубочайшую свою благодарность. Бумаги проф. А. Е. Назимова, весьма цѣнныя въ научномъ отношеніи, описаны нами: „Бумаги проф. А. Е. Назимова, съ пред. проф. И. А. Линниченко“, Одесса 1911 г., стр. 194. О проф. А. Е. Назимовѣ см. Біографическій очеркъ, воспоминанія, изд. подъ редакціей проф. И. А. Линниченко. См. проф. И. А. Линниченко, Рѣчи и поминки, Одесса 1914 г., стр. 185.

[2]) *Поповъ*, Отечественная война 1812 г., т. I. Сношенія Россіи съ иностранными державами передъ войной 1812 г.

въ исторіи Европы событія сильно оживила литературу. Мы съ своей стороны не дѣлаемъ какихъ либо особенныхъ открытій, но пытаемся внести нѣсколько новыхъ штриховъ, которыхъ или нѣтъ въ изслѣдованіяхъ, посвященныхъ войнѣ 1812 г. или оттѣнены не съ надлежащей ясностью.

Опасность иноземнаго вторженія вызвала въ русскомъ обществѣ большую тревогу, тѣмъ болѣе, что за именемъ Наполеона и его солдатъ слѣдовала легендарная молва о непобѣдимости и величіи. Погрузившееся въ свои личные матеріальные интересы и, казалось, ни о чемъ не думавшее общество встрепенулось, переполошилось; общая опасность спаиваетъ и сплачиваетъ разрозненныя части общественнаго и государственнаго организма, которыя одинаково думаютъ и одинаково стремятся избавиться отъ непрошенныхъ опасныхъ гостей. Обширное государство стягивается къ одной центральной идеѣ—опасности, переживаемой государствомъ въ цѣломъ и каждымъ отдѣльнымъ гражданиномъ въ частности, какъ частью цѣлаго. Поэтому русское общество отвѣчаетъ на призывъ свыше и готово принять участіе въ войнѣ своимъ состояніемъ, готово отдать свои силы, себя на служеніе государству. Различныя сословія жертвуютъ на нужды войны; каждый несетъ что можетъ, въ простотѣ сердечной своей разсуждая, что въ минуту опасности все пригодится; но, чтобы пожертвованія были „соотвѣтственнѣе обстоятельствамъ настоящаго времени“, Александръ I рескриптомъ на имя министра полиціи повелѣлъ предписать губернаторамъ, чтобы они „внушали“ жертвователямъ выдѣлять изъ матеріальнаго достатка своего предметы „наиболѣе нужные для военнаго употребленія“, губернаторовъ нужно было снабдить образцами подобныхъ предметовъ. Количество и выборъ предметовъ изъ образцовъ „оставляется на произволъ каждаго желающаго сдѣлать пожертвованіе“. Вообще, чтобы добровольныя пожертвованія могли принести пользу, Высочайше повелѣно было „иначе представляемыхъ предметовъ и вещей не принимать, какъ когда они будутъ совершенно сходны съ образцами или лучше оныхъ, лишь бы наружный видъ въ семъ послѣднемъ случаѣ былъ сохраненъ противъ образцовыхъ“.

Война съ врагомъ требовала очень много средствъ, и одного напряженія казны не было достаточно; ограничиться добровольными пожертвованіями также не представлялось возможнымъ, требовалось болѣе активное участіе общественныхъ силъ.

Для военныхъ цѣлей въ іюнѣ 1812 г. оказалась большая потребность въ волахъ; но такъ какъ Московская губ. по мѣстнымъ условіямъ не

могла поставить воловъ натурой, то государь предоставилъ *всѣмъ сословіямъ* губерніи собрать *„добровольными* отъ достоянія ихъ приношеніями сумму, милліонъ рублей составить могущую, которая обратится уже на пріобрѣтеніе воловъ"; но если бы „сумма приношеній оказалась недостаточною, оная долженствуетъ быть наполнена для приведенія въ означенное количество *сборомъ посредствомъ общей раскладки*" „съ возможной уравнительностью". Сборъ потребной суммы долженъ былъ состояться въ скорѣйшемъ времени, „столь поспѣшно, сколь возможность то дозволяетъ". О „движеніи и успѣхѣ дѣла" государю необходимо должны были дѣлаемы „каждонедѣльно донесенія". Такой же сборъ былъ назначенъ по Тульской губ. въ 700 т. р. Несмотря на энергичныя попытки, предпринятыя мѣстной администраціей, потребныя суммы собраны не были; комитетъ министровъ въ засѣданіи своемъ отъ 18-го февраля 1813 г. постановилъ узнать, кто изъ жителей Московской губ. можетъ жертвовать на покупку воловъ и кто нѣтъ, за разореніемъ. Однако и эти мѣры не привели къ желательнымъ результатамъ, и комитетъ министровъ 30-го марта 1815 г. постановилъ не взыскивать денегъ съ тѣхъ жителей Московской губ., которые не выполнили возложенныхъ обязанностей; освобождены были отъ сборовъ потому, что, за окончаніемъ войны, надобность миновала. За готовность принять участіе въ тягостяхъ войны государь въ свою очередь шелъ навстрѣчу населенію и освобождалъ его отъ другихъ податныхъ повинностей; такая милость была распространена на Кіевскую губ., а именно, за пожертвованіе суммы на покупку воловъ сложены были причитающіяся за вторую половину 1812 г. подушныя деньги 100 т. р. Война „подвигла" вѣрноподданныхъ „въ различныхъ ихъ сословіяхъ и чиносостояніяхъ" принять участіе въ военныхъ тягостяхъ; въ рескриптѣ на имя Кіевскаго военнаго губернатора 25-го мая 1812 г., Императоръ Александръ I высказывалъ свое удовольствіе по адресу различныхъ сословій за ихъ усердіе: дворянство „не щадитъ никакихъ пожертвованій" и другія сословія „достохвальнымъ примѣромъ таковымъ одушевляемыя" съ готовностью вняли къ призыву и жертвовали „немаловажное число воловъ"; и государь старался освобождать различныя сословія отъ обыкновенныхъ денежныхъ повинностей, потому что „благородное дворянство, такъ и благосмыслящія сословія" не отказывались раздѣлить бѣдствія, постигшія страну; однако это оптимистическое предположеніе государя, какъ было сказано выше, оправдалось не въ полной мѣрѣ.

Русская армія нуждалась не въ однихъ волахъ; необходимость

требовала изысканія средствъ продовольствія для рабочаго скота; въ октябрѣ 1812 г. сдѣлано было распоряженіе о сборѣ съ „обывателей“ Псковской губ. для корпуса Витгенштейна съ 100 душъ по одному быку, а для корма имъ съ 100 душъ же по 15 пудовъ сѣна, а Голенищевъ-Кутузовъ возложилъ на Тульскаго и Калужскаго губернаторовъ изъ ввѣренныхъ имъ уѣздовъ губерній, гдѣ „родилось сѣна изобильнѣе“ и откуда подвозъ къ арміи не весьма далекъ, собрать сѣна по Тульской губ. до 100 т. пудовъ, а по Калужской—до 150 т. пудовъ и доставить ихъ арміи на обывательскихъ подводахъ.

Въ виду тяжести походной жизни, главнокомандующій распорядился выдавать воинамъ опредѣленныя порціи вина; вино опять таки должно быть доставлено „обывателями“ губерніи. Для опредѣленія потребнаго количества былъ произведенъ нижеслѣдующій приблизительный разсчетъ: съ 9-го октября по 1-е января 1813 г., т. е. на 12 недѣль, полагая порцію выдачи вина по 3 раза въ недѣлю, оказалось необходимымъ имѣть въ запасѣ 54 т. ведеръ; прибавляя къ этой суммѣ на случай сырой погоды ежедневныя выдачи, „еще примѣрную двухдневную на недѣлю пропорцію“, т. е. 36 т. ведеръ, всего, слѣдовательно, необходимо было запастись 96 т. в. вина. Возлагая доставку всего необходимаго на населеніе, какъ-то рабочаго скота, корма имъ, вина и т. д., высшая власть постоянно напоминала подлежащимъ органамъ, которые должны были приводить въ исполненіе эти предписанія, чтобы доставленіе нужныхъ продуктовъ „не было отяготительнымъ обывателямъ“. Однако, однихъ добрыхъ пожеланій было недостаточно; прежде всего новыя повинности особенно „отяготительными“ оказались для губерній, расположенныхъ близко къ театру военныхъ дѣйствій; такъ, большія затрудненія испытывала Нижегородская губ. отъ военнаго постоя; въ ней было расквартировано до 115 т. человѣкъ иррегулярнаго войска и болѣе 20 т. лошадей, въ нѣкоторыхъ крестьянскихъ домахъ имѣли постой до 18 человѣкъ, всю массу войска должно было кормить населеніе губерніи; сверхъ того нижегородцы доставляли до 5 т. подводъ на каждую станцію безъ платежа прогонныхъ денегъ для своза рекрутъ и партій военноплѣнныхъ французовъ; особымъ распоряженіемъ 27-го ноября 1812 г. изъ Нижегородской губ. были выведены стоявшія тамъ войска.

Движеніе врага черезъ русскія губерніи, движеніе не безъ помощи огня и меча, вызывало среди населенія разоренныхъ областей негодованіе противъ непріятеля, въ другихъ мѣстахъ загоралось благородное чувство любви къ родинѣ, попираемой врагомъ, многіе, на-

конецъ, не выносили оскорбленія святынь; а потому населеніе, по собственному побужденію, вооружается, составляетъ отряды добровольцевъ и объявляетъ непріятелю партизанскую войну и тѣмъ, несомнѣнно, въ значительной степени задерживаетъ успѣшное движеніе французовъ къ намѣченной имъ цѣли. Порѣцкій князь Минчиковъ составилъ отрядъ изъ 63 чел.; одѣты волонтеры были „въ одинакое платье“, кн. продовольствовалъ ихъ собственнымъ иждивеніемъ, взялъ много непріятелей въ плѣнъ, отбилъ непріятельское знамя; правда, тотъ же Минчиковъ представилъ счетъ правительству въ 9.002 руб., якобы израсходованныхъ на содержаніе отряда, что правительствомъ было уважено; только Минчиковъ мотивировалъ свою просьбу тѣмъ, что нашествіе „непріятеля ввергнуло ихъ въ совершенную бѣдность“. Не всегда таковъ былъ финалъ добровольнаго усердія; люди шли противъ врага и впослѣдствіи ограничивались только сознаніемъ выполненной нравственной обязанности. Непріятель, проходя черезъ Смоленскую губ., входилъ въ Сычевскій уѣздъ, „дѣлалъ убійства, грабилъ, сожигалъ селенія и помѣщичьи домы, скотъ, все имущество жителей забиралъ, не оставляя даже и церковь безъ ограбленія“; Сычевскій уѣздный предводитель дворянства распорядился вооружить крестьянъ въ селеніяхъ, учредить изъ нихъ конные разъѣзды. Крестьянамъ внушалось, что „за вѣру, очечество, августѣйшаго Монарха не должно щадить не только спокойствія своего, но и самой жизни“. Внушеніе имѣло такую силу, что при появленіи непріятелей крестьяне „стремительно стекались вооруженные пиками, косами и кольями“, и подъ командой исправника „неустрашимо на нихъ (непріятелей) бросались, поражали, брали въ плѣнъ и разсѣвали“; такимъ образомъ, съ 18-го августа по 1-е сентября сычевскими жителями было убито 572 чел. и взято въ плѣнъ 325 чел., въ томъ числѣ 3 оберъ-офицера; со стороны сычевцевъ было ранено 67 крестьянъ, убито 44. Участіе крестьянъ въ отрядахъ добровольцевъ, а также въ ополченіи противъ непріятеля, имѣетъ свое историческое объясненіе. Крестьяне такими дѣйствіями своими разсчитывали на избавленіе отъ крѣпостного ига. Надежды крестьянъ не оправдались и на этой почвѣ разыгрались крестьянскіе бунты и неповиновеніе помѣщичьей власти. Въ Волоколамскомъ у., Московской губерніи, оставшіеся безъ начальственнаго руководства „нѣкоторыхъ помѣщиковъ и Никольской волости экономическіе крестьяне, уповательно обольщенные вредными внушеніями непріятеля, выступивъ изъ повиновенія своимъ помѣщикамъ и старостамъ, называютъ себя *принадлежащими уже французамъ*, грабятъ

господъ своихъ имѣнія, одного крестьянина убили, словомъ совершенно взбунтовали".

Война 1812 г. стоила многихъ человѣческихъ жертвъ какъ французамъ, такъ и русскимъ; много погибло скота разнаго рода. Съ точностью опредѣлить потери, понесенныя русской арміей, и французской въ особенности, не представляется возможнымъ. Погибшихъ воиновъ было такъ много, опасность, угрожавшая отъ разложенія людскихъ и скотскихъ труповъ была такъ велика, что некогда было думать о точной регистраціи; однако и тѣ офиціальныя данныя, которыми мы располагаемъ съ достаточной убѣдительностью говорятъ о страшныхъ размѣрахъ потерь, понесенныхъ арміями французской и русской.

Рескриптомъ Александра I на имя главнокомандующаго въ Москвѣ, отъ 14-го ноября 1812 г., предписано было озаботиться уборкой труповъ. Работы по уборкѣ труповъ, начатыя въ половинѣ ноября 1812 г., протянулись до весны 1813 г. 25-го ноября 1812 г. гр. Растопчинъ могъ сообщить министру полиціи, что человѣческіе трупы, а также скотскіе съ Бородинскаго поля убраны. Трупы частью сожигались, частью зарывались въ глубокихъ ямахъ, на глубинѣ 4 аршинъ. Человѣческіе трупы и падаль покрывали „поля Бородинскія до самаго города Можайска". На Бородинскомъ полѣ было убрано 40 т. лошадиныхъ труповъ; непріятель „при побѣгѣ своемъ", „подрѣзывалъ лошадямъ у ногъ жилы", и онѣ падали, истекая кровью. Много работы понадобилось затратить для очищенія гор. Вильны отъ человѣческихъ и скотскихъ труповъ:

Отъ 25-го дек. по 1-е янв. 1813 г. было вывезено изъ Вильны:

человѣч. труповъ . . 27.669 лошад. и скотск. . . 3.308

Виленскій уѣздъ къ 12-му февр. 1813 г., по донесенію земскаго исправника Никифорова, очищенъ былъ отъ человѣческихъ труповъ.

По нижеслѣдующимъ трактамъ было подобрано:

	Человѣч. труповъ.	Лошадин.	Воловъ.
1. Черный Гостинецъ	1.754	800	—
2. Ошмянской дорогѣ	8.534	1.492	—
3. Ковенской „	2.717	474	80
4. Верховской „	1.500	—	—
5. Вилкомирск. „	178	30	—
6. Браславской „	382	76	—
7. Михалинск. „	439	103	—
8. Рудноцкой „	68	21	—

9. Гродненск. „	84	95	—
10. Ст. Яновской	100	53	—
11. Въ предмѣст. Вильны. . . .	7.190	112	—
12. „ Звѣринцѣ	2.140	90	76
13. За Острой Брамой	846	102	—
Всего . . .	25.935	3.448	156

По наступленіи оттепели еще открылись человѣческіе и лошадиные трупы.

Въ виленскихъ госпиталяхъ было скучено много раненыхъ воиновъ; смертность среди больныхъ достигала огромной величины; умирали не столько отъ полученныхъ ранъ, сколько отъ свирѣпствовавшей горячки; такъ какъ врачебнаго персонала не хватало, то многіе погибали отъ недостатка присмотра. Наши данныя не даютъ возможности представить полную картину смертности, но приблизительное понятіе во всякомъ случаѣ получить можно.

Изъ Виленскихъ госпиталей вывезено:

	Человѣч. труповъ.	Закопано въ ямы.	Лошадиныхъ труповъ.
Отъ 1 янв. 1813 г. по 8 янв. 1813 г.	5.755	5.263	693
Съ 8—15 янв. 1813 г.	4.118	5.325	113
„ 15—22 „ 1813 „	1.655	1.930	—
„ 22—29 „ 1813 „	1.219	2.989	—
„ 6 февр.—22 марта 1813 г. .	—	16.672	2.499
Всего . . .	12.816	32.179	3.305

Въ Виленскихъ госпиталяхъ до 20-го февр. 1813 г., т. е. до наступленія оттепели, въ недѣлю отъ горячекъ умирало до 100 чел.; съ наступленіемъ оттепели, когда горячка смѣнилась „нервическими лихорадками“, смертность стала доходить до 60 чел. въ недѣлю. Къ послѣднимъ числамъ февраля 1813 г. въ Вильнѣ больныхъ было до 2.000 человѣкъ, исключая военныхъ и французскихъ госпиталей.

По приблизительному подсчету убранныхъ труповъ человѣческихъ и скотскихъ по губерніямъ опредѣлятся:

	Человѣческ.	Скотскихъ.
1. Виленск. по 22 марта 1813 г.	83.145	11.288
2. Калужск. „ 30 апр. 1813 „	2.230	7.655
3. Минской „ 1 „ 1813 „	49.028	30.412
4. Могилев. „ 31 марта 1813 „	50.185	17.050

5. Московск. по 17 мар. 1813	„	56.811	31.664	собств. по Можайскому округу.
6. Смоленск. „ 20 апр. 1813	„	172.337	128.099	
Итого		413.736	226.168	

Въ эти суммы не вошли трупы, убранные до обнародованія Высочайшаго рескрипта 14-го ноября 1812 г. Офиціальныя донесенія изъ губерній Волынской, Гродненской, правителя Бѣлостокской области сообщаютъ объ уборкѣ труповъ людей и лошадей, но о численности ихъ хранятъ молчаніе. Работы по очищенію отъ труповъ павшихъ воиновъ требовали большихъ расходовъ. Офиціальныя сообщенія ничего не говорятъ касательно понесенныхъ расходовъ; только изъ свѣдѣній по Московской губ. (по Можайской округѣ) узнаемъ, что на уборку 56.811 чел. труповъ и 31.664 лошадиныхъ падалей рабочимъ выдано было двѣ бочки винной порціи, денегъ 2.101 руб. 50 к.; на сожженіе труповъ понадобилось сухихъ дровъ 776 сажен., считая сажень по 6 р., всего 4.656 р.

Установить точныя цифры потерь, какъ указано было выше, не представляется возможнымъ, ибо при уборкѣ труповъ не старались выяснить, кому какіе трупы принадлежатъ. По исчисленію Шильдера, въ Московской, Смоленской и Витебской губ. было схоронено и сожжено болѣе 213.000 тѣлъ, а въ Вильнѣ и вокругъ этого города 53.000; по нашимъ свѣдѣніямъ число труповъ было больше [1]).

Въ началѣ войны численность русскихъ войскъ, находящихся подъ оружіемъ, равнялась: первая западная армія подъ начальствомъ Барклая-де-Толли 120.000 ч.; вторая западная армія Багратіона 37.000 ч.; третья резервная обсерваціонная подъ начальствомъ ген. Тормасова 46.000 (Шильдеръ, III, 73); въ эти цифры не входятъ тѣ отряды, которые прибирались къ дѣйствующей арміи, а равно отрядъ добровольцевъ; такимъ образомъ къ началу войны Россія располагала до 203.000 вооруженныхъ воиновъ, армія Наполеона состояла почти изъ 400.000 чел.; изъ этой огромной арміи черезъ Нѣманъ перешли 1.000 чел. съ девятью орудіями и около 20.000 безоружныхъ; если приблизительно исчислить русскую и французскую арміи, находящіяся въ дѣйствіи въ количествѣ до 1 милл. воиновъ, то изъ этого огромнаго количества погибла почти половина—413.736 чел.

Въ манифестѣ Александра I, обнародованномъ послѣ бѣгства Наполеона, сказано: „объявленное нами, при открытіи войны сей, свыше

[1]) *Шильдеръ*, Александръ I, т. III, стр. 381, прим. 215.

мѣры исполнилось: уже нѣтъ ни единаго врага на лицѣ земли нашей, или лучше сказать, всѣ они здѣсь остались, но какъ?—мертвые, раненые и плѣнные! Самый гордый повелитель и предводитель ихъ едва съ главнѣйшими чиновниками своими отселѣ ускакать могъ, растерявъ все свое воинство и всѣ привезенныя съ собою пушки".

Хотя государство избавилось отъ опаснаго врага, однако послѣ него осталось тяжелое наслѣдіе, которое неотложно нужно было привести въ порядокъ; страна испытывала большую усталость отъ напряженнаго участія въ дѣлахъ противъ непріятеля. Губерніи, находящіяся близъ военныхъ дѣйствій и по пути слѣдованія французовъ, были разорены, жители остались безъ пріюта, стали развиваться болѣзни, голодъ, всѣмъ этимъ бѣдствіямъ нужно было положить скорѣйше конецъ, первопрестольная лежала въ обломкахъ и развалинахъ; остались тысячи плѣнныхъ французской арміи; наконецъ, многіе изъ русскихъ гражданъ недостойно держали себя при появленіи непріятеля; однимъ словомъ, страна была взбудоражена; начинается энергичная работа по водворенію тишины, мира и спокойствія, и работа эта затягивается на нѣсколько лѣтъ.

Комитетъ министровъ 1-го ноября 1812 г. слушалъ докладъ Московскаго оберъ-полицеймейстера ген.-м. Ивашкина на имя министра полиціи Балашева о печальномъ состояніи „опустошенной врагами отечества" Москвы; въ Москвѣ постепенно стало водворяться спокойствіе къ концу 1812 г. Москва сильно пострадала отъ дѣйствія непріятеля; улицы были завалены человѣческими и лошадиными трупами, въ Кремлѣ оказались „соборы цѣлы, только ограблены", „арсеналъ отъ Никольскихъ воротъ и двѣ башни по набережной подорваны", „Грановитая палата сожжена", колокольня Ивана Великаго, съ которой сняли и увезли крестъ, осталась посреди окружающихъ „подорванныхъ" колоколенъ цѣла и невредима. „Монументъ Екатерины В. оставленъ въ выжженномъ домѣ Благороднаго Собранія, покрытъ пепломъ и обломками, такъ что о цѣлости его узнать еще невозможно". Обыватели стали стекаться въ Москву, но оказался большой недостатокъ въ продовольствіи: „хищный врагъ заграбилъ или истребилъ все, что могло служить къ пропитанію и продовольствію". Доставка продовольствія въ Москву изъ другихъ губерній оказывалась невозможною, ибо по дорогамъ и въ окрестныхъ уѣздахъ для собственныхъ нуждъ и потребностей не было продовольствія ни для людей, ни для лошадей, „ибо по многимъ трактамъ истреблены даже и самыя селенія". Особенно сильно пострадали отъ непріятельскаго разоренія крестьяне Москов-

ской губ., многія селенія были сожжены, хотя по офиціальнымъ донесеніямъ, слушаннымъ въ комитетѣ министровъ, отъ 13-го ноября 1812 г., многіе изъ крестьянъ въ окрестностяхъ Москвы обогатились „3-хдневнымъ грабежомъ въ Москвѣ, покупкою на серебро мѣдныхъ денегъ и захватываніемъ обозовъ непріятельскихъ". Правительство взяло на себя непосредственно заботу о продовольствіи казенныхъ крестьянъ Московской губ. Для продовольствія ихъ, съ мая по октябрь, исчислено было 30 т. кулей муки, „не распространяя сего количества на полное число душъ, только на $^1/_3$ оныхъ", для засѣванія полей, полагая для 70 т. дес. на каждую по $^3/_4$; всего понадобилось бы для удовлетворенія потребностей казенныхъ крестьянъ Московской губ. хлѣба на сумму 2.500.000 р.; гр. Растопчинъ находилъ необходимымъ выдать потребное количество хлѣба заимообразно съ тѣмъ, чтобы крестьяне возвратили все въ теченіе 3-хъ мѣсяцевъ; сумму, потребную на покупку хлѣба, комитетъ министровъ разрѣшилъ заимствовать изъ суммъ, пожертвованныхъ на ополченіе въ Московской губ.

Еще до разоренія Москвы жители тѣхъ областей, которыя занималъ непріятель, оказались въ безвыходномъ положеніи; бросая насиженныя мѣста, все свое имущественное состояніе, эти люди обречены были на голодное существованіе; въ интересахъ государственной пользы необходимо было обезпечить всѣмъ разореннымъ возможность хотя бы неголоднаго существованія; такъ какъ такихъ разоренныхъ жителей были тысячи, то для спокойнаго теченія жизни, немедленной матеріальной помощью слѣдовало облегчить тяжесть существованія. Вышедшимъ изъ разоренныхъ областей предложено было вступить въ формируемые военные отряды съ производствомъ содержанія урядникамъ по 1 р. 25 коп., казакамъ и егерямъ по 1 р. въ мѣсяцъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ постановленіемъ комитета министровъ приступлено было къ образованію комиссіи для помощи пострадавшимъ. Во всѣхъ губерніяхъ, гдѣ оказались бы выходцы изъ разоренныхъ губерній, образуются комитеты подъ надзоромъ гражданскихъ губернаторовъ, изъ вице-губернаторовъ, губернскихъ предводителей дворянства и губернскихъ прокуроровъ. Комитетамъ были открыты кредиты въ казенныхъ палатахъ въ размѣрѣ 10.000 р., а равно разрѣшено завести въ церквахъ кружки „для добровольнаго на сей предметъ подаянія". Комитеты обязаны были при помощи полиціи опредѣлить количество нуждающихся, а равно качество нужды. Всѣмъ жителямъ губерній, близкихъ къ театру военныхъ дѣйствій объявлялось избирать мѣста, для поселенія въ губерніяхъ, „менѣе опасныхъ и болѣе изобильныхъ,

куда и отправлять ихъ, снабдивъ видами и смотря по разстоянію и необходимости самонужнѣйшими для пути пособіями". При приведеніи въ извѣстность такихъ нуждающихся жителей областей, разоренныхъ непріятелемъ или близкихъ къ мѣстамъ движенія непріятеля, комитеты предлагали жителямъ на время войны вступать въ военную службу, „а буде помѣщики крестьянъ своихъ въ службу оставятъ, то зачтутся они имъ за рекрутъ", но комитетамъ внушалось, чтобы „отнюдь никакого принужденія въ томъ никому не было, а, напротивъ, самыя предложенія сдѣланы бы ими были такимъ образомъ. чтобы не имѣли они того вида, *будто правительство къ присвоенію ихъ военной службѣ пользуется крайностью ихъ положенія*". Губернаторамъ вмѣнялось въ обязанность войти въ сношеніе съ епархіальными архіереями, чтобы монастыри приняли въ свое призрѣніе нѣкоторыхъ изъ „лишенныхъ пристанища жителей, особенно же престарѣлыхъ, немощныхъ и малолѣтнихъ".

Разореннымъ жителямъ Московской губ. Высочайшимъ указомъ разрѣшено было отпустить въ три срока 15.735.336 р., подобное же вспомоществованіе оказано жителямъ Смоленской и Калужской губ.; вспомоществованіе это имѣло характеръ заимообразнаго пособія; ссуда должна была быть возвращена въ теченіе 10 л., безъ %, съ тѣмъ однако разсчетомъ, что въ первые три года не взыскивается долга, слѣдовательно, вся ссуда въ теченіе 7 лѣтъ должна была быть вся погашенной. Фамиліи лицъ, получившихъ пособіе, опредѣлено печатать въ газетахъ. Комитетъ министровъ, разрабатывавшій правила ссуды, находился въ большомъ затрудненіи относительно того, требовать ли отъ получившихъ пособіе обезпеченія въ выполненіи обязательства. Съ одной стороны, комитетъ находилъ затруднительнымъ требовать обезпеченія пособія отъ лицъ, почти совершенно разоренныхъ, съ другой,—комитетъ не находилъ возможнымъ безъ гарантіи выдавать пособія; послѣ продолжительнаго обсужденія вопроса комитетъ постановилъ: „просимое пособіе тогда должно быть оказываемо, когда вмѣстѣ съ прочими свѣдѣніями (о степени нужды), представлено будетъ надлежащее обезпеченіе". „Обезпеченіе возврата въ свое время казенныхъ издержекъ, должно состоять въ поручительствѣ за казенныхъ крестьянъ всего общества того селенія или волости, для которыхъ дѣлается пособіе. Помѣщики отвѣчаютъ получаемымъ съ ихъ имѣній доходомъ или поручительствомъ за нихъ нѣсколькихъ извѣстнѣйшихъ того уѣзда дворянъ, а за купцовъ и мѣщанъ ихъ общества или городская дума".

Комитеты для помощи разореннымъ открывались главнымъ образомъ въ губерніяхъ, куда стекались пострадавшіе. Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ хотя и были открыты комитеты, но въ нихъ не оказалось надобности въ открытыхъ въ казенныхъ палатахъ кредитахъ въ 10 т. р., но достаточными оказывались суммы, собранныя добровольными пожертвованіями и кружками. Въ Астраханской губ. пожертвованіями было собрано 2.205 р., да церковными кружками 137 р. 94½ к., но надобности въ нихъ не оказалось, ибо пострадавшихъ въ губерніи отъ непріятеля не было. Ассигнованныя 10 т. изъ казенной палаты оказались излишними въ губерніяхъ Лифляндской, Саратовской, Вятской, Астраханской, Смоленской, Подольской, Пермской, Калужской, Витебской, С.-Петербургской, Эстляндской, Херсонской, Томской, Иркутской, Екатеринославской, Оренбургской. Напротивъ, въ губерніяхъ Ярославской, Вологодской, Костромской, Воронежской, Тверской, Рязанской, Нижегородской, Пензенской, Полтавской, Курской вытребованы были не всѣ ассигнованныя суммы. Причина подобныхъ явленій въ томъ, что острая нужда удовлетворялась добровольными пожертвованіями, которыя довольно щедро поступали отъ населенія; предложенная кіевскимъ митрополитомъ подписка на помощь раненымъ нашла большое сочувствіе въ обществѣ и въ короткое время было собрано 18 т. р.; наконецъ, многія изъ названныхъ губерній находились далеко или въ сторонѣ отъ дѣйствій непріятеля и потому здѣсь не ощущалась надобность въ помощи со стороны комитетовъ. Нужда сильнѣе чувствовалась въ Московской и Смоленской губерніяхъ и здѣсь на помощь пострадавшимъ израсходованы большія суммы. Такъ для возобновленія строеній въ Москвѣ и для помощи жителямъ Высочайше повелѣно было отпускать въ теченіе 5 л. по 1 милліону рублей заимообразно. Многіе губернскіе комитеты просили закрытія ихъ въ виду отсутствія необходимости въ ихъ дѣятельности. Тамъ гдѣ закрывались комитеты о помощи разореннымъ и пострадавшимъ, излишки суммъ, поступившихъ отъ пожертвованій и кружечныхъ сборовъ, направлялись въ совѣтъ Императорскаго человѣколюбиваго общества.

Въ Москвѣ 22-го февраля 1818 г. открыты были дѣйствія попечительнаго комитета помощи бѣднымъ и пострадавшимъ отъ непріятельскаго разоренія. Постановленіемъ комитета министровъ 14-го декабря 1818 г. всѣ остатки суммъ, отпущенныхъ изъ казенныхъ палатъ на помощь пострадавшимъ, были причислены къ казеннымъ доходамъ, добровольныя пожертвованія или кружечные сборы должны

были быть перечислены въ казенныя палаты съ тѣмъ условіемъ, чтобы эти суммы, кромѣ суммы, собранной по Московской губерніи, по соглашенію съ министромъ финансовъ, были переданы въ совѣтъ человѣколюбиваго общества, но Александръ I не согласился съ такимъ рѣшеніемъ и повелѣлъ суммы добровольныхъ пожертвованій и кружечные сборы оставить на прежнемъ основаніи (14-го января 1819 г.).

Большія затрудненія испытывало правительство относительно размѣщенія и ухода за плѣнными, которыхъ осталось въ Россіи очень много. Вслѣдъ за прекращеніемъ войны вопросъ о военно-плѣнныхъ усиленно обсуждался; попутно требовалъ разрѣшенія и другой вопросъ, объ отношеніи къ тѣмъ изъ русскихъ подданныхъ, которые „устрашася насилія и принужденія или мечтая спасти имущества свои отъ разоренія и грабительства, вступали въ налагаемыя отъ него (непріятеля) званія и должности“, становились измѣнниками отечества. Одни изъ нихъ „пристали еще прежде нашествія на ихъ земли къ странѣ чуждаго для нихъ пришельца и подъемля вмѣстѣ съ нимъ оружіе“ противъ Россіи, „восхотѣли лучше быть постыдными его рабами“, нежели „вѣрноподданными царя“. Хотя всѣхъ ихъ долженъ былъ покарать „мечъ правосудія“, однако Александръ рѣшилъ стать на путь милосердія и любви къ „заблудшимъ“. Александръ, „видя излившійся на нихъ гнѣвъ Божій, поразившій ихъ вмѣстѣ съ тѣми, которымъ они вѣроломно покорились и уступая вопіющему“ „гласу милосердія и жалости“, объявилъ всѣмъ „общее и частное прощеніе, предавая все прошедшее вѣчному забвенію и глубокому молчанію и запрещая впредь чинить какое-либо по дѣламъ симъ притязаніе или изысканіе“; прощеніе и забвеніе вины распространялось и на тѣхъ, которые попались въ плѣнъ съ оружіемъ въ рукахъ: „да участвуетъ всякъ, читаемъ въ Высочайшемъ манифестѣ 1812 г., во всеобщей радости и совершенномъ истребленіи и разрушеніи силъ всенародныхъ враговъ“. Всѣмъ перешедшимъ на сторону Наполеона данъ былъ 2-хмѣсячный срокъ на возвращеніе въ Россію, тѣмъ же, которые не воспользовались бы милостью, грозили конфискаціей имущества, и отечество отказывалось таковыхъ принять въ „свои нѣдра“.

Когда Москва была занята непріятелемъ и послѣдній приступилъ къ организаціи временнаго управленія городомъ, въ числѣ „споспѣшествовавшихъ“ непріятелю были русскіе. Обязанности „градского головы“ исполнялъ первой гильдіи купецъ Петръ Находкинъ, помощниками его были: Яковъ Дюлонъ, московскій купецъ, „имѣлъ смо-

трѣніе за мостовыми", Николай Крокъ, московскій купеческій сынъ, „завѣдывалъ спокойствіе, тишину и правосудіе жителей"; Ѳедоръ Фракманъ, московскій именитый гражданинъ, „по квартирмейстерской части" и Егоръ Мекье, виртенбергскій уроженецъ, надзиралъ за ремесленниками и вѣдалъ пособіе бѣднымъ. Членами градского правленія, въ количествѣ 67 чел., между другими были слѣдующія лица: Калчугинъ Гр., Козловъ Ив., московскіе купцы, и Буртуа Ив., швейцарской службы капитанъ-поручикъ; на обязанности ихъ былъ „надзоръ за богослуженіемъ, чтобы оное было уважаемо и попеченіе за бѣдными жителями", Черничъ Іосифъ, *профессоръ физики*, по полицейской части; Ушаковъ Ег., князя сибирскаго *дворовый человѣкъ*, тоже по полицейской части, Конюховъ Андр., надворный совѣтникъ, по квартирмейстерской части, Репниковъ Ник., военно-сиротскаго отдѣленія воспитанникъ, десятникъ, Кульманъ Ив., надворный совѣтникъ, московской управы благочинія штабъ-лекарь, „по части богослуженія и больницъ", Штельцнеръ, профессоръ; губернскій секретарь Ив. Щербачевъ „имѣлъ особенное препорученіе отъ Наполеона".

Такъ какъ всѣхъ военно-плѣнныхъ французской арміи нельзя было держать въ одномъ мѣстѣ, то для успѣшнаго разрѣшенія вопроса объ участи и положеніи военно-плѣнныхъ разработаны были правила. Для военно-плѣнныхъ французовъ, какъ нижнихъ чиновъ, такъ и офицеровъ назначены были Астраханская, Пермская, Оренбургская, Саратовская, Вятская губ. На мѣста жительства военно-плѣнные препровождались по разнымъ трактамъ съ военными конвоями. При отправкѣ партій военно-плѣнныхъ строжайше предписывалось мѣстнымъ властямъ снабжать военно-плѣнныхъ одеждой и обувью согласно времени года [1]). Однако, строжайшія предписанія не достигали цѣли и до государя доходили свѣдѣнія „о тягостномъ и бѣдственномъ положеніи плѣнныхъ изъ арміи черезъ губ. препровождаемыхъ", мало того, неоднократно повторялись слухи о „безчеловѣчныхъ поступкахъ и жестокостяхъ, чинимыхъ плѣннымъ". Подъ

[1]) Было издано положеніе объ одеждѣ плѣнныхъ въ зимнее время: шапки изъ простого сермяжнаго сукна, полушубокъ овчинный, кафтанъ сермяжный или армякъ; штаны сермяжные, рубахи, онучи сермяжные, рукавицы съ варигами, лапти—обыкновенные крестьянскіе, а для поспѣшнаго снабженія, хотя бы и не новые, но крѣпкіе, къ носкѣ годные и просторные. Штабъ- и оберъ-офицерамъ, вмѣсто полушубковъ, овчинные тулупы; вмѣсто кафтановъ сермяжные тулупы. Въ случаѣ неимѣнія у нихъ никакой одежды снабжать и прочими для нижнихъ чиновъ выше положенными.

экипажи конвойнымъ опредѣлено, по инструкціи, давать по одной обывательской подводѣ; для тяжело-больныхъ по одной подводѣ на 2-хъ чел.; для плѣнныхъ офицеровъ на 2 по одной пароконной подводѣ. На содержаніе плѣннымъ въ сутки полагалось къ выдачѣ: генераламъ по 3 руб., полковникамъ и подполковникамъ по 1 р. 50 к., майорамъ по 1 р., оберъ-офицерамъ по 50 к., унтеръ-офицерамъ, рядовымъ нижнимъ чинамъ, нестроевымъ по 5 коп. и „сверхъ того провіантъ противу солдатскихъ дачъ". Инструкція предписываетъ начальникамъ и рядовымъ вѣжливое и предупредительное отношеніе къ препровождаемымъ военно-плѣннымъ, чтобы „плѣннымъ нигдѣ, ни отъ кого никакого притѣсненія оказываемо не было, но чтобы они (плѣнные) вели себя скромно и послушно"; конвойные должны были наблюдать за тѣмъ, чтобы „обыватели обходились съ ними ласково и человѣколюбиво". Плѣнные на пути слѣдованія чинили обывателямъ „разныя обиды", „разными буйствами и неистовыми поступками вселяютъ страхъ поселянамъ и возмущаютъ ихъ спокойствіе". Плѣннымъ внушали, что „за дерзкое поведеніе одного отвѣчаютъ всѣ они", а потому совѣтовалось имъ слѣдовать „смирно и добропорядочно". За преступленія, учиненныя военно-плѣнными, комитетъ министровъ постановилъ, отъ 6-го мая 1813 г.: „судить по нашимъ законамъ военнымъ судомъ, а гдѣ онаго составить не изъ кого, то гражданскимъ". На мѣстахъ жительства гражданскіе губернаторы размѣщали военно-плѣнныхъ не только по городамъ, но и уѣздамъ, полиціи вмѣнялось въ строгую обязанность имѣть надзоръ за ними; офицерамъ и нижнимъ чинамъ не позволялось вести переписку съ кѣмъ бы то ни было. Такъ какъ до свѣдѣнія министра полиціи доходили извѣстія о буйствахъ и неспокойствахъ среди военно-плѣнныхъ по пути къ мѣсту жительства, и такъ какъ ни мѣстныя власти, ни конвойные не исполняли всѣхъ предписаній касательно экипировки и продовольствія военно-плѣнныхъ, то министръ полиціи приказывалъ наряжать слѣдствіе, не „дѣлаютъ ли партіонные офицеры какихъ злоупотребленій".

Военно-плѣнные поляки, въ противоположность другимъ военно-плѣннымъ французской арміи, опредѣлялись для укомплектованія полковъ, къ этой мѣрѣ прибѣгли отчасти и для сокращенія расходовъ на содержаніе военно-плѣнныхъ. Военно-плѣнныхъ поляковъ съ этой цѣлью отправляли въ полки, квартирующіе въ Грузіи, на Кавказѣ, на Сибирской линіи.

Распредѣленіе военно-плѣнныхъ поляковъ и другихъ военно-плѣн-

ныхъ стало сильно задерживаться въ концѣ 1812 г., въ виду того, что среди нихъ стали развиваться заразныя болѣзни, что угрожало не только самимъ военно-плѣннымъ, но тѣмъ новымъ мѣстамъ, куда военно-плѣнные направлялись. Масса больныхъ умирала отъ болѣзней по конвойнымъ трактамъ, другіе не могли двигаться по болѣзни.

Военно-плѣнные главнымъ образомъ заболѣвали отъ того, что употребляли въ пищу мертвечину и падаль, пили воду изъ рѣкъ и озеръ, зараженныхъ отъ мертвыхъ тѣлъ; особенно въ Московской, Смоленской, Новгородской, Орловской, Вологодской, Костромской, Псковской губ. Въ Смоленской губ. заболѣвали отъ „собиранія одежды съ мертвыхъ труповъ и одиранія кожи съ палаго скота". Въ Московской губ. свирѣпствовали простудныя лихорадки, гнилыя, нервныя, желчныя горячки и кровяные поносы, болѣзни „свойства прилипчиваго"; распространенію болѣзней, съ одной стороны, способствовала тѣснота помѣщеній, когда въ одной избѣ помѣщались 7 и 8 семействъ, съ другой, недостатокъ во врачебной помощи; хотя допускали къ практикѣ, по Высочайшему разрѣшенію, студентовъ Московскаго Отдѣленія Императорской Медико-Хирургической Академіи и взятыхъ въ плѣнъ врачей и „вольныхъ цырюльниковъ" съ назначеніемъ „приличнаго жалованія", однако недостатокъ чувствовался очень сильно.

Содержаніе плѣнныхъ должно было обойтись казнѣ очень дорого, что, въ виду многихъ другихъ потребностей, являлось очень тяжелымъ бременемъ; поэтому стали изыскивать средства для сокращенія расходовъ по содержанію плѣнныхъ; военно-плѣнныхъ поляковъ отправляли на укомплектованіе полковъ, но все же оставалось очень много плѣнныхъ; поэтому различныя вѣдомства рѣшили воспользоваться знаніями и искусствомъ спеціалистовъ, которыхъ было въ достаточномъ количествѣ среди плѣнныхъ. Прежде всего приступили къ опредѣленію количества военно-плѣнныхъ, знакомыхъ съ суконнымъ мастерствомъ; департаментъ соляныхъ и горныхъ дѣлъ, ощущая сильный недостатокъ въ рабочихъ на фабрикахъ и заводахъ, искусныхъ въ дѣлѣ заводскомъ и фабричномъ, предложилъ плѣннымъ поступить на работы съ платой въ Петербургѣ 15—30 р. въ мѣсяцъ; желающимъ поступить на Уральскіе заводы обѣщано въ годъ вознагражденія отъ 24—150 р., съ выдачей сверхъ того провіанта.

Плѣннымъ земледѣльцамъ предложено было поселиться между колонистами Саратовской и Екатеринбургской губ.; гдѣ, по мнѣнію комитета министровъ, они зарабатывали бы за содержаніе у поселенцевъ

наймомъ на работы, со временемъ предполагалось надѣлить ихъ землей безъ денежной ссуды отъ казны. Тѣ же изъ плѣнныхъ, которые не знали никакихъ мастерствъ, то они, по предложенію комитета министровъ, могли быть употребляемы на „многоразличныя простыя работы“ въ разныхъ городахъ. Однако большинство предположеній такъ и осталось въ области предположеній, очень много военно-плѣнныхъ большими партіями потянулись къ мѣсту своего новаго жительства. Конечно, своихъ предложеній правительство не навязывало военно-плѣннымъ, принять ихъ или не принять всецѣло зависѣло отъ доброй воли плѣнныхъ.

Не лишена извѣстнаго интереса статистика военно-плѣнныхъ всѣхъ ранговъ, наши матеріалы даютъ мало свѣдѣній по этому предмету. Весной 1813 г. изъ разныхъ губерній направлено было въ Георгіевскъ ген. Портнягину 6.830 плѣнныхъ поляковъ, изъ нихъ въ войска кавказской линіи были опредѣлены 2.072 чел., въ военно-рабочіе къ казеннымъ строеніямъ на Кавказской линіи 788 чел., въ Грузію для укомплектованія полковъ 1.365 чел., всего 4.235 чел. въ Ишимъ, Тобольской губ. въ апрѣлѣ 1813 г. было отправлено 1.894 чел., въ г. Ковно въ декабрѣ 1812 г. числилось плѣнныхъ разныхъ чиновъ отъ подполковниковъ до нижнихъ чиновъ строевыхъ 1.257 чел., въ январѣ 1814 г. было отправлено въ Новгородъ 460 чел., всего 10.441 чел., разумѣется, плѣнныхъ было больше, однако эта относительно приблизительная цифра велика; что плѣнныхъ было очень много и значительно превосходило показанную нами сумму, видно между прочимъ изъ слѣдующаго: въ гамбургскихъ газетахъ появилась, статья о томъ, что русское правительство нарочно задерживало плѣнныхъ, не выпускало изъ Россіи и что среди военно-плѣнныхъ была „чувствительная смертность“; возражая на эту статью, министерство полиціи доказывало неправдоподобность сообщенія гамбургскихъ газетъ и искаженіе подлинныхъ фактовъ, хотя плѣнные и задержались въ Россіи, но не по желанію Россіи, а „по внезапному политическому перевороту 1815 г.“ во Франціи и число задержанныхъ въ Россіи плѣнныхъ въ 1815 г. составляло до 15 тысячъ человѣкъ.

Военно-плѣннымъ французамъ была объявлена Высочайшая воля о томъ, что желающіе могутъ присягнуть на подданство Россіи (4-го іюля 1813 г.), тѣ изъ французовъ, которые или не присягнули Россіи или не избрали рода жизни, высылались изъ Россіи; французамъ по объявленіи Высочайшей воли 4-го іюля 1813 г. былъ данъ 2-хъ мѣсяч-

ный срокъ для рѣшенія вопроса; кто по истеченіи срока не опредѣлялъ рода своей будущей жизни, тѣ признавались за вредныхъ и подозрительныхъ людей и съ ними „поступаемо должно быть какъ съ бродячими“; военно-плѣнные изъ ремесленниковъ, присягнувшіе на подданство, въ видѣ особой милости, записывались въ мѣщане и освобождались на 10 лѣтъ отъ всѣхъ мѣщанскихъ податей и повинностей, какъ „неимѣющихъ осѣдлости и собственности новыхъ подданныхъ“; но въ виду нѣкоторой неопредѣленности постановленій относительно иностранцевъ изъ плѣнныхъ, перешедшихъ въ подданство Россіи, правительство готово было стать на ту точку зрѣнія, что они могутъ „нѣкоторымъ образомъ почесться особымъ классомъ гражданъ“. Однако военно-плѣнные очень неохотно избирали родъ жизни и еще неохотнѣе присягали на подданство Россіи, многократныя напоминанія и угрозы не производили почти никакого впечатлѣнія. Такъ, въ Виленской губ. въ 1816 г. 285 военно-плѣнныхъ изъявили желаніе стать подданными Россіи, но никакихъ опредѣленныхъ шаговъ въ этомъ направленіи не дѣлали, высылать ихъ не высылали, ибо они были хорошо знакомы съ хлѣбопашествомъ, ремеслами и невыгодно было лишаться опытныхъ людей, изъ 285 чел. только 75 присягнули Россіи и 3 избрали родъ жизни. Такая неохота къ переходу въ русское подданство замѣчалась среди военно-плѣнныхъ французовъ и въ другихъ губерніяхъ.

Отношеніе поляковъ къ Наполеону и его походу въ Россіи достаточно выяснено въ литературѣ, чтобъ не останавливаться лишній разъ, однако, мы имѣемъ возможность отмѣтить весьма характерное отношеніе русской власти къ полякамъ въ польскихъ земляхъ. Недовѣріе къ полякамъ давало основаніе всякимъ вздорнымъ слухамъ, которые при ближайшемъ изслѣдованіи оказывались слишкомъ поспѣшными и ни на чемъ не основанными предположеніями. Въ началѣ 1813 г. стали циркулировать слухи о томъ, что „жители герцогства Варшавскаго намѣрены сдѣлать возмущеніе и истребить всѣхъ россіянъ, находящихся въ предѣлахъ того герцогства, а можетъ быть съ ними жидовъ и нѣмцевъ“, по изслѣдованію областного правителя Маріапольскаго и Кольварійскаго, слухи имѣли начало „болѣе отъ легкомысленности и врожденной трусости евреевъ, нежели отъ извѣстной ненависти поляковъ къ россіянамъ, ибо хотя нѣтъ никакого сомнѣнія, что большая часть дворянъ польскихъ, желающая успѣховъ французскому оружію при всякомъ удобномъ случаѣ готова стать противу насъ и допустить себя до безчеловѣчныхъ по-

ступковъ". Для предупрежденія злыхъ умысловъ поляковъ правитель области „составилъ тайное сословіе изъ нѣсколькихъ евреевъ, которые по всѣмъ мѣстностямъ и волостямъ наблюдаютъ за поведеніемъ поляковъ", донесенія этихъ агентовъ были чрезвычайно вздорны, въ чемъ постоянно убѣждался представитель мѣстной власти, однако надзоръ продолжался.

По окончаніи войны правительство было сильно озабочено желаніемъ отобрать у населенія оружіе, которымъ оно было вооружено во время добровольной борьбы съ непріятелемъ. Населеніе на этотъ счетъ, особенно крестьянское, держалось особой точки зрѣнія, оно неохотно разставалось съ оружіемъ, полагая „беречь до будущихъ времянъ, дабы въ случаѣ непріятельскаго нашествія было чѣмъ истреблять злодѣя". Духовенству предложено было читать въ теченіе 2-хъ мѣсяцевъ объявленіе въ праздничные и воскресные дни о передачѣ оружія мѣстнымъ агентамъ власти, но ни объявленія, читаемыя въ церквахъ, ни вознагражденіе, обѣщанное за каждое оружіе, за ружье и пару пистолетовъ по 5 р., а за отысканную зарытую въ землѣ пушку по 50 р., не производили никакого эффекта, поэтому нѣкоторые изъ губернаторовъ рѣшили дѣйствовать хитростью, думая „что въ нынѣшнее время никакая осторожность не можетъ быть излишней", т. е. „не обнаруживая цѣли", Витебскій губернаторъ предполагалъ обратиться къ населенію съ воззваніемъ снести въ опредѣленное мѣсто все оружіе, какое было на рукахъ у населенія, якобы для разсортировки военныхъ и охотничьихъ ружей и заклейменія послѣднихъ; на самомъ дѣлѣ полагалось такимъ образомъ задержать оружіе.